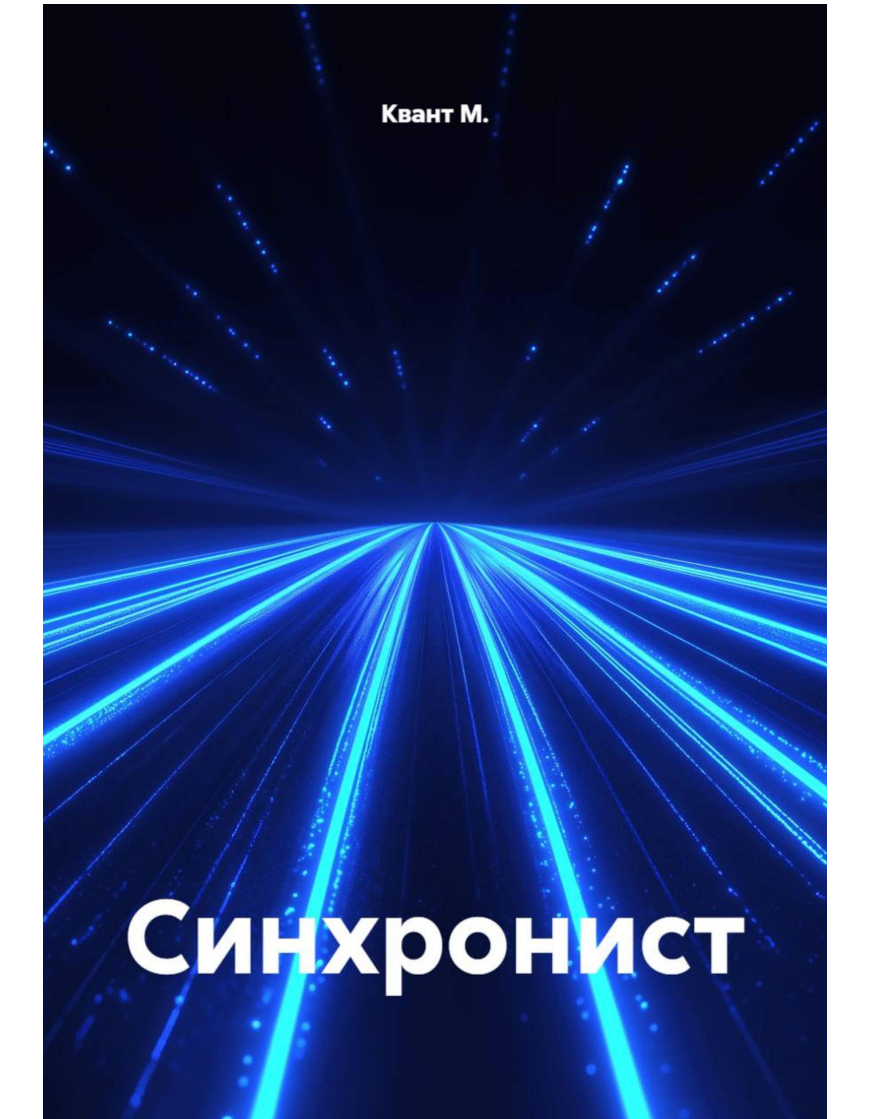

Квант М.

Синхронист

Квант М. Синхронист

<https://litres.ru/74449508>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире будущего, где технология синхронизации позволяет временно обмениваться сознанием между людьми, профессиональный синхронист Максим Ершов получает необычное задание. Ему предстоит установить контакт с представителями инопланетной расы Эло, обладающих коллективным разумом и принципиально иным способом коммуникации.

Эло называют себя Сомневающимися и прибыли к Земле с загадочным посланием: «Мы пришли, чтобы остановить начало». Их корабли — живые структуры, реагирующие на эмоциональный фон, а способ общения основан на прямом обмене мыслеобразами.

Содержание

Глава 1. Чужое эхо	4
Глава 2. След в сознании	33
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Квант М.

Синхронист

Глава 1. Чужое эхо

Тишина в капсуле синхронизации была не просто отсутствием звука. Она была физической величиной, плотной, как гель, заполнявшей лёгкие и давившей на барабанные перепонки. Максим Ершов лежал в амортизационном ложе, ощущая, как холодный физиологический раствор, циркулирующий в трубках костюма, медленно понижает температуру его тела, замедляя метаболизм и подготавливая нервную систему к переходу. Это была его четырнадцатая синхронизация за месяц, если считать по контрактам, но каждая новая всё равно заставляла внутренности сжиматься в тугой, ледяной комок предвкушения и первобытного страха.

Затемнение было почти полным. Лишь тонкая, едва различимая полоска аварийного освещения змеилась по контуру герметичного люка, рисуя на сетчатке призрачную линию. Максим закрыл глаза. Собственное сердцебиение отдавалось в висках размеренным, глухим набатом. Техник, голос которого проникал в сознание через костные вибрации, а не через воздух, произнёс последнюю команду. Система жизнеобеспечения перешла в автономный режим. Подача кис-

лорода была скорректирована. Началась калибровка нейронных полей.

Где-то глубоко в недрах станции, за десятками метров переборок и кабельных шахт, заработал контур синхронизатора. Максим почувствовал это не слухом, а всем телом. Пространство вокруг него начало вибрировать на частоте, которая была ниже порога слышимости, но выше порога физического ощущения. Молекулы воздуха в капсуле, казалось, застыли, выстроившись в невидимую кристаллическую решётку. Нарастающий гул, похожий на далёкий прибой, перешёл в ультразвуковой свист, который, не достигая ушей, начал резонировать с гипоталамусом. На мгновение Максиму показалось, что его череп превратился в колокол, по которому ударили изнутри.

Он заставил себя расслабиться. Это была самая опасная часть — момент дезинтеграции психофизического контура. В этот миг его собственное «я» должно было отступить, сделаться прозрачным, текучим, готовым к приёму. Если сопротивляться, можно было получить глубокий невроз или, в худшем случае, расщепление личности. Максим прошёл через это столько раз, что научился управлять собой на уровне вегетативной нервной системы. Он представил, как его личность сворачивается в крошечную, плотную точку, спрятанную в самой глубине мозжечка. Вокруг этой точки бушевал океан чужой воли.

Толчок был внезапным и резким, словно его сдёрнули с

кровати и швырнули в ледяную воду.

На мгновение наступила абсолютная, всепоглощающая пустота. Не было ни тьмы, ни света, ни верха, ни низа. Лишь ощущение чудовищной скорости, с которой он летел сквозь нечто, не имеющее измерений. Секундная потеря ориентации сменилась вспышкой фантомной боли, пробежавшей по всем нервным окончаниям. А затем наступила тишина. Настоящая, органическая тишина живого тела.

Максим открыл глаза.

Первое, что он увидел — серый, матовый потолок с тонкими, почти незаметными стыками пластин. Моргнул. Зрение сфокусировалось с непривычной чёткостью. Он мог различить мельчайшие царапины на панелях, видеть волокна материала, из которого было сделано покрытие. Это было странно. У его собственного зрения такой резкости никогда не было, а очки он снял перед сеансом.

Он прислушался. Вместо гудения вентиляции и урчания капсулы — мягкое, низкое жужжание, словно где-то далеко гудел огромный, но очень тихий трансформатор. Запах тоже был чужой: стерильный, с едва уловимой сладковатой нотой, похожей на запах сухой травы, разогретой солнцем. Он лежал на жёсткой койке, укрытый лёгким, но плотным одеялом.

— С возвращением, — прозвучал спокойный, женский голос. Он доносился откуда-то сбоку, но Максим не сразу смог повернуть голову. Мышцы шеи слушались с запоздани-

ем, словно он лежал в этом теле уже несколько дней, а не секунду назад.

Он медленно повернул голову. Рядом с койкой стояла женщина в тёмно-синем комбинезоне медика. На её груди был нашит идентификационный знак, но символы расплывались, не желая складываться в знакомые буквы. Голос её был лишён эмоций, но в нём не было и враждебности. Просто констатация факта.

— Контур стабилен. Синхронизация подтверждена. Как вы себя чувствуете?

Максим попытался ответить, но горло перехватило. Головные связки, которыми он сейчас управлял, были устроены иначе. Потребовалось несколько секунд, чтобы приспособиться, настроить дыхание и вытолкнуть воздух.

— Нормально, — произнёс он. Голос прозвучал хрипло и низко, но это был его голос, а не какой-то чужой. Или он только так думал? В первые минуты после синхронизации всегда было трудно понять, где заканчивается твоё «я» и начинается биологический субстрат носителя. — Голова немного кружится.

— Это обычная реакция на переход. У вас была лёгкая аритмия в первые секунды, но сейчас всё в пределах нормы. Вставать не торопитесь.

Женщина подошла ближе, и Максим смог рассмотреть её лицо. Обычное, ничем не примечательное, с усталыми карими глазами и туго стянутыми в пучок волосами. В её дви-

жениях была точность автомата. Она приложила к его виску небольшой прибор, похожий на металлическую пластину, и та тихо пискнула, считав показатели.

— Носитель — мужчина, возраст тридцать восемь стандартных лет, — продолжила медик, не глядя на него. — Последние четверо суток находился в медикаментозном сне. Ваш коэффициент совместимости с телом — девяносто два процента. Это хороший показатель.

Максим снова моргнул, пытаясь унять остаточное головокружение. Он знал этот протокол. Прежде чем принять в себя гостя, носитель должен был провести несколько дней в состоянии искусственного покоя, чтобы снизить активность собственной психики до фонового уровня. Тело было подготовлено, как костюм для водолаза. Оставалось только понять, кто этот человек и почему его наняли.

— Документы, — сказал он, облизывая пересохшие губы. — Где я? Мне нужна вводная.

— Вся информация загружена в ваш личный канал, — ответила женщина, убирая прибор. — Носитель — муниципальный служащий третьего ранга. Имя и допуски вы найдёте в персональном терминале. Внешний периметр — сектор «Роща». Время — четырнадцать часов сорок семь минут по местному циклу.

Она выпрямилась и, не прощаясь, направилась к двери, которая бесшумно отъехала в сторону, впуская в комнату поток более яркого света. Максим остался один.

Он осторожно приподнялся на локтях. Тело слушалось с лёгкой задержкой, но уже значительно лучше, чем минуту назад. Кровь прилила к голове, заставив затылок пульсировать. Он осмотрелся. Комната была небольшой, функциональной: койка, встроенный шкаф, узкий стол у стены, а над ним — матовый прямоугольник информационного экрана. Ничего лишнего. Всё стерильно, анонимно, как в гостинице для транзитных пассажиров.

Он спустил ноги на пол, покрытый мягким, упругим материалом, и встал. Тело оказалось выше, чем он привык. Пришлось перераспределить равновесие, чуть ссутулившись, чтобы не задеть головой о низко нависший светильник. Он подошёл к столу и коснулся панели. Экран ожил, засветился приглушённо-зелёным. На поверхности высветились строки: имя, должность, сектор проживания. Всё как говорила медик.

Максим бегло просмотрел персональные данные. Носитель был мелким чиновником из отдела распределения ресурсов. Работа рутинная, заработок скромный. Зачем такому человеку понадобилось сдавать своё тело на время синхронизации? Обычно на такие контракты шли либо отчаявшиеся бедняки, либо люди, которым нужно было срочно скрыться от долгов или обязательств. Впрочем, это не его дело. Его задача — сделать то, ради чего его сюда позвали, и убраться.

Он открыл раздел с сообщениями. Там было одно письмо,

помеченное высоким приоритетом и шифрованное. Максим приложил палец к считывающему окошку на столе. Короткий сигнал — и текст развернулся перед глазами.

«Синхронист Ершов. Рады приветствовать вас в секторе. Ваша миссия — консультация по протоколу межвидовых коммуникаций. Встреча состоится сегодня в девятнадцать ноль-ноль в координационном центре десятого уровня. Явка обязательна. Транспорт подан к вашему жилому блоку. Куратор — специалист Ив. Нел.»

Максим перечитал сообщение дважды. Консультация по протоколу межвидовых коммуникаций. Значит, речь пойдёт о контакте с «чужими». Сердце, принадлежавшее носителю, кольнуло тревогой. Это была не та работа, которую предлагают рядовым синхронистам. Обычно его нанимали для корпоративных переговоров, где требовалось «влезть в шкуру» партнёра, чтобы понять его мотивы, или для деликатных семейных разборов, когда нужно было разрешить конфликт на уровне телесного опыта. А тут — инопланетный разум.

Он потёр виски, которые всё ещё ныли после перехода. Тело носителя откликалось на стресс по-своему: по спине пробежал холодок, ладони стали влажными. Максим сделал несколько глубоких вдохов, успокаивая чужую физиологию. Нужно было привести себя в порядок и найти жилой блок, о котором упоминалось в письме.

Он нашёл в шкафу комплект чистой одежды: свободные брюки тёмно-серого цвета и рубашку с высоким воротом.

Оделся. Обувь оказалась немного тесноватой, но терпимой. Выйдя из комнаты, он попал в узкий коридор с рядами одинаковых дверей. Пахло дезинфицирующим средством. Где-то капала вода. Он направился в сторону, откуда, как ему казалось, доносился шум улицы.

Дорога до жилого блока заняла около двадцати минут. Сектор «Роща» представлял собой один из типовых спальных районов, зажатых между промышленными зонами. Вдоль широких, но пустынных проспектов тянулись серые коробки домов с одинаковыми окнами, забранными москитными сетками. Зелёные насаждения, давшие название сектору, встречались лишь на небольших огороженных площадках и выглядели чахлыми, припорошёнными пылью. Воздух был тяжёлым, с металлическим привкусом. Максим шёл, стараясь не привлекать внимания, но редкие прохожие бросали на него короткие, безразличные взгляды. Для них он был просто одним из тысяч муниципальных служащих, возвращавшихся с работы.

Жилой блок оказался пятиэтажным зданием с облупившимся фасадом. У подъезда стоял маленький, приземистый электрокар без опознавательных знаков. Водитель, небритый мужчина с тяжёлым взглядом, курил, опершись на капот. Увидев Максима, он выбросил окуроч в дренажную решётку и кивнул.

— Ершов?

Максим кивнул в ответ.

— Садись. Дорога займёт минут сорок. В центр.

В салоне пахло дешёвым пластиком и синтетическим ароматизатором. Водитель не проронил ни слова за всю дорогу. Максим смотрел в окно, как за стёклами проплывают бесконечные ряды одинаковых строений, опоры переходов, провода линий электропередачи. С приближением к координационному центру пейзаж менялся: серые коробки уступали место более высоким, зеркальным башням, над проспектами нависали стеклянные переходы, по которым сновали крошечные фигурки людей. Город, наступая на окраины, здесь раскрывался во всей своей мощи. Центральные районы были залиты холодным электрическим светом, который отражался в окнах сотен офисов.

Координационный центр оказался огромным комплексом, похожим на перевёрнутую пирамиду, стоящую на широком основании. Охрана на проходной проверила его сетчатку и пропустила внутрь. Максим поднялся на скоростном лифте на десятый уровень. Здесь пахло озоном и свежим кофе. Коридоры были отделаны светлым камнем, на стенах висели абстрактные панно, имитирующие звёздное небо.

Его встретила молодая женщина с коротко стриженными русыми волосами, одетая в строгий серый костюм. На лацкане — маленький значок с эмблемой отдела межвидовых коммуникаций: стилизованная спираль, уходящая в бесконечность.

— Максим Ершов? — спросила она, хотя по её тону было

ясно, что она знает ответ. — Меня зовут Ива. Нел. Я ваш куратор на время контракта. Пройдёмте.

Она развернулась и быстрым шагом направилась по коридору, не оглядываясь. Максим последовал за ней. Каблуки Ивы звонко цокали по полированному полу. Они прошли несколько постов охраны, миновали длинный переход, соединявший два крыла здания, и остановились перед массивной дверью с биометрическим замком.

Ива приложила ладонь к считывателю. Дверь отъехала в сторону, открывая просторный кабинет с панорамным окном во всю стену. За окном разливался океан городских огней. В кабинете стоял длинный стол из тёмного дерева, несколько кресел с высокими спинками и большой голографический проектор в центре.

— Садитесь, — предложила Ива, указывая на кресло у стола. Сама она осталась стоять, скрестив руки на груди.

Максим сел. Кресло было мягким, но удобным. Ива подошла к окну и некоторое время смотрела на город, словно собираясь с мыслями.

— Вы, вероятно, уже догадались, что контракт необычный, — наконец произнесла она, не оборачиваясь. — Мы не стали бы привлекать синхрониста вашего уровня для рядовой коммуникации с колонией чужих. Речь идёт о контакте особого рода.

Она повернулась. Её лицо было серьёзным, даже мрачным. Свет из окна падал на её фигуру, очерчивая строгий

силуэт.

— Что вы знаете о расе, с которой нам предстоит работать? — спросила она.

Максим пожал плечами. Жест получился чуть более размашистым, чем он привык: тело носителя было шире в плечах.

— Только общие сведения из открытых источников. Они не используют вербальную речь. Их способ коммуникации — прямой обмен мыслеобразами, который возможен только при условии объединения сознаний. Они... воспринимают мир иначе. Для них отдельная личность — это шум, помеха. Они слышат только общий разум, хор голосов, сливающихся в единый поток.

Ива кивнула.

— Всё верно. Мы называем их Сомневающимися. Официальное обозначение — раса Эло. Они пришли к нам не как захватчики и не как торговцы. Они появились на орбите три года назад и заявили, что хотят «вспомнить». Их корабли — это... живые структуры, которые реагируют на эмоциональный фон. Мы пробовали десятки способов диалога: лингвистические алгоритмы, математические коды, музыкальные матрицы. Всё безрезультатно. Они не понимают речи, не воспринимают написанное слово. Их сознание устроено принципиально иначе. Единственный способ обмена информацией с ними — это синхронизация. Полная, глубокая, на уровне психофизического слияния.

Максим нахмурился.

— Но синхронизация возможна только между людьми. Наша технология настроена на человеческую нервную систему. Как вы собираетесь состыковать человека с чужим?

Ива медленно подошла к столу и коснулась панели. Над проектором развернулась объёмная схема: человеческий мозг, связанный тонкими нитями с неким аморфным, переливающимся образованием.

— Мы адаптировали технологию. Три года работы. Наши инженеры создали интерфейс, который переводит волновую активность мозга человека в резонансные колебания, воспринимаемые их коллективным разумом. Но есть проблема. Чужие не могут вычленить отдельного индивида из общего потока. Для них мы — просто вибрация, шум. Чтобы их заинтересовать, нужен носитель с особой структурой личности. Тот, кто способен не потеряться в этом потоке, кто сможет сохранить своё «я» и при этом открыться настолько, чтобы их впустить.

Она сделала паузу, пристально глядя на Максима.

— Поэтому мы выбрали вас. Ваш коэффициент психологической устойчивости — один из самых высоких среди действующих синхронистов. Вы умеете удерживать ядро личности в условиях агрессивной чужой среды. Наши тесты показали, что только вы сможете продержаться в контакте дольше тридцати секунд без необратимых последствий.

Максим почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Это уже не было похоже на обычный контракт. Он понимал, что за такие задания платят огромные деньги, но и риски несоизмеримы. Синхронизация с человеком — это всегда было погружение в знакомую, пусть и чужую, психику. А здесь — неизвестная бездна.

— И что они хотят? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Зачем они прилетели? Чего добиваются?

Ива отвела взгляд.

— Мы точно не знаем. Но их корабли... Они передают одно и то же послание, зашифрованное в частотах, которые мы научились улавливать. Это не речь, но после обработки наши лингвисты смогли перевести это. Дословно: «Мы пришли, чтобы остановить начало». Они повторяют это снова и снова, каждый цикл.

— Остановить начало? — переспросил Максим. — Что это значит?

— Никто не понимает. Возможно, речь о какой-то точке во времени или о событии, которое должно произойти. Мы надеемся, что вы сможете выяснить.

Максим откинулся на спинку кресла. В голове шумело. Он перебирал в памяти всё, что знал о синхронизации с нестабильными средами. Это всегда был риск. Но здесь риск был иного порядка. Это был прыжок в неизвестность.

— Что со мной будет, если я потеряю ядро личности? — спросил он напрямую.

Ива выдержала его взгляд.

— Ваше сознание будет рассеяно в общем потоке. Вы перестанете существовать как отдельная личность. Ваше тело будет синхронизировано с чужим разумом и станет его частью. Формально вы останетесь живы, но это будет уже не вы.

В комнате повисла тяжёлая тишина. За окном беззвучно вспыхивали и гасли рекламные огни далёких небоскрёбов.

— Я могу отказаться? — спросил Максим.

— Можете, — ответила Ива. — Контракт ещё не подписан. Но вы должны понимать: второго такого шанса может не быть. И у нас, и у них. Чужие ждут ответа. Если мы не покажем, что готовы к диалогу, последствия могут быть непредсказуемыми.

Она подошла ближе и положила на стол перед ним тонкую пластиковую карту с золотым тиснением.

— Там сумма, которую мы готовы заплатить за первую сессию. Вне зависимости от результата. Если вы согласитесь, завтра в девять утра начнём подготовку.

Максим взял карту. Она была почти невесомой. Он знал, что на таких картах обычно хранился чип с персональными данными и суммой гонорара. Он не стал смотреть. Вместо этого он поднял глаза на Иву.

— Зачем вы мне всё это рассказываете? — спросил он. — Могли бы просто дать задание. Зачем все эти предупреждения?

Ива чуть заметно улыбнулась, но улыбка вышла горькой.

— Потому что я хочу, чтобы вы шли туда с открытыми

глазами. Это не корпоративные игры. Это встреча с тем, что мы не в силах понять. И я не хочу, чтобы вы думали, будто мы посылаем вас в эту бездну вслепую.

Она отвернулась и снова уставилась в окно.

— Вы можете остаться здесь до завтра. Для вас подготовлена комната. Питание доставят. Подумайте, Ершов. Хорошо подумайте.

Максим встал. В горле пересохло. Он аккуратно положил карту в нагрудный карман рубашки.

— Я согласен, — сказал он.

Ива обернулась. В её взгляде мелькнуло удивление.

— Так быстро?

— Если я буду думать слишком долго, я не пойду, — ответил Максим. — А за этим меня и позвали, верно?

Она кивнула.

— Тогда завтра в девять. Отдыхайте.

Максим вышел из кабинета. Коридор был пуст. Он шёл, не оглядываясь, и звук его шагов гулко отдавался от стен. Где-то в глубине его сознания билось эхо того самого слова, которое он услышал в послании чужих. «Начало». Что за начало они хотят остановить? И почему для этого им нужен именно он?

Он не знал ответов. Но где-то внутри, в той самой точке, в которую он сворачивал своё «я» перед каждой синхронизацией, зародилось странное, смутное предчувствие. Будто он уже был здесь. Будто всё это уже случилось.

Он отогнал эту мысль и ускорил шаг. Впереди была ночь, полная тихих снов и невысказанных страхов. А за ней — встреча с тем, что звало его из глубины космоса, из той бездны, куда он должен был шагнуть, чтобы услышать голос, который, возможно, окажется его собственным. Он шёл по коридору, и каждый шаг отдавался в висках глухим, вязким эхом. Звук получался чужим, будто тело, в котором он находился, принадлежало не ему, а какому-то усталому, немолдому человеку, привыкшему сутулиться и волочить ноги. Максим заставил себя выпрямиться. Чужое тело отозвалось лёгкой болью в пояснице — видимо, у носителя были проблемы со спиной. Он поморщился и постарался идти ровнее, но неловкость не проходила. В такие моменты он особенно остро ощущал, что синхронизация — это всегда сделка с чужой плотью, которая не спрашивает разрешения.

Комната, которую ему выделили, находилась в конце длинного, слабо освещённого коридора. Дверь с тихим шипением отъехала в сторону, впуская его в небольшое, но уютное помещение. Здесь было темнее, чем в кабинете Ивы. Из мебели — узкая кровать, застеленная серым покрывалом, тумбочка с графином воды и стаканом, а также встроенный в стену терминал. Окна не было. Вместо него — большая панель, имитирующая вид на город. По ней медленно плыли огни ночного мегаполиса, смазанные, будто снятые сквозь слой воды. Это успокаивало.

Максим снял рубашку, повесил её на спинку стула и по-

дошёл к умывальнику, спрятанному в нише. Вода была прохладной, с лёгким металлическим привкусом. Он умылся, стараясь не смотреть на своё отражение. Чужое лицо, чужие морщины, чужая щетина. Всё это вызывало смутное отторжение. Он уже не раз замечал: чем дольше находишься в носителе, тем труднее удерживать границу между собой и им. Но сейчас, перед серьёзным делом, эта граница была необходима.

Он сел на кровать, не зажигая яркого света. Панель с видом на город отбрасывала на стены бледные, переливающиеся блики. Максим откинулся на подушку и закрыл глаза, но сон не шёл. Вместо него приходили мысли — тяжёлые, липкие, как предгрозово́й воздух.

«Мы пришли, чтобы остановить начало», — повторил он про себя, пробуя эти слова на вкус. Они были странными, тревожными. Остановить начало. Какое начало? Начало чего? Быть может, начало их собственной гибели? Или начало новой эпохи? Или нечто совсем иное — то, что человеческий разум не способен ухватить, потому что оперирует лишь линейным временем и причинно-следственными связями? Максим знал, что есть концепции, которые невозможно перевести на человеческий язык. Они существуют где-то на границе восприятия, как ультразвук — есть, но не слышен.

Он повернулся на бок. Тело носителя отозвалось тихим протестом: где-то в груди кольнуло, словно сердце напомни-

ло о себе. Максим приложил ладонь к груди, чувствуя, как бьётся чужое сердце. Ровно, но как-то устало. Надо было поспать, но мысль о завтрашнем сеансе не отпускала. Он понимал, что согласился слишком быстро. Возможно, это была бравада. Или глупость. Или то самое профессиональное любопытство, которое когда-то привело его в синхронизацию. Но теперь, в тишине комнаты, пришёл страх. Не панический, а холодный, расчётливый, как хищник, затаившийся в тени.

Максим сел, потянулся к графину и налил стакан воды. Пить не хотелось, но ритуал помогал занять руки. Он сделал глоток, затем ещё один. Вода была безвкусной. Он снова лёг, на этот раз на спину, и уставился в тёмный потолок, по которому плясали отблески искусственного города. Где-то далеко, за стенами центра, жил настоящий город — шумный, многолюдный, дышащий миллионами жизней. А он был здесь, в стерильной комнате, наедине с предчувствием, которое не мог объяснить.

Сон пришёл внезапно, как провал в пустоту.

Ему снилось нечто бесформенное, пульсирующее, лишённое привычных координат. Сначала он не понимал, где находится. Казалось, он висит в толще воды, но вода была не холодной, а тёплой, почти горячей, и она не мешала дышать. Вокруг клубились смутные образы, осколки чьих-то мыслей, обрывки чувств, не принадлежавших ни ему, ни носителю. Это было похоже на настройку радиоприёмника, когда сквозь шум пробиваются то далёкая музыка, то чей-то смех,

то обрывок плача. Максим попытался ухватиться за что-то знакомое, но всё ускользало.

Потом возник звук. Низкий, вибрирующий, он шёл отовсюду и ниоткуда. Он был не слышен ушами, а ощущался всем телом, каждой клеткой. Этот звук был голосом, но голосом не одного существа, а множества, слитых воедино. Он не произносил слов, но Максим вдруг понял его смысл, как понимают во сне, без перевода. Голос говорил о начале. О точке, в которой всё сворачивается и разворачивается. О петле, которая затягивается на шее времени.

«Ты слышишь нас», — звучало в нём.

Максим хотел ответить, но не мог. Его рот был словно зашит, а лёгкие наполнены той самой горячей, тяжёлой водой. Он попытался пошевелить рукой, но конечности не слушались. Тело носителя больше не принадлежало ему. Или он сам перестал принадлежать себе? В этом полусне границы растворились, и он ощущал себя одновременно и собой, и кем-то другим, и множеством, и ничем.

«Мы помним тебя», — произнёс голос.

От этих слов по спине пробежал ледяной холод, хотя вокруг было тепло. Максим задёргался, пытаясь вырваться из липкого морока. Он отчаянно цеплялся за ядро личности, за ту самую точку в мозжечке, которую научился сворачивать в крошечный сгусток воли. Но точка не находилась. Она была размыта, разбавлена чужой волей, как капля чернил в стакане воды.

Он открыл глаза.

Перед ним был потолок комнаты, тускло освещённый панелью. По вискам стекал пот. Сердце колотилось, как после долгого бега. Максим резко сел, судорожно хватая ртом воздух. Простыня под ним была влажной. Он огляделся, ища взглядом опасность, но в комнате ничего не изменилось: тот же графин, тот же стул с рубашкой, та же панель с ночным городом. Всё на месте.

Он медленно выдохнул, пытаясь унять дрожь в руках. Это был просто сон. Обычный кошмар перед сложной работой. Но странное чувство не проходило. Слишком реальным был этот сон. Слишком отчётливым. И голос — этот многоголосый, вибрирующий голос — до сих пор звучал в костях, как эхо колокола, которое не хочет затихать.

Максим встал, подошёл к умывальнику и снова плеснул в лицо холодной водой. Посмотрел на себя в зеркало. Из отражения на него глянул немолодой усталый мужчина с покрасневшими глазами. Взгляд был испуганный, но в глубине зрачков уже загоралась знакомая решимость. Он не мог позволить страху взять верх. Слишком многое стояло на кону.

Он вернулся к кровати, но лечь не стал. Вместо этого сел на край и включил терминал. Экран мягко засветился. Максим открыл личный канал, проверил сообщения. Пусто. Он набрал короткий запрос в поиске: «раса Эло, Сомневающиеся, общий разум». Терминал выдал несколько общих статей с пометкой «ограниченный доступ». Он бегло про-

смотрел заголовки. Ничего нового: та же сухая информация, что он уже слышал. Эло не используют вербальную речь, их корабли — живые организмы, контакт возможен только через глубокую синхронизацию. Но одна строка привлекла его внимание. В примечании к одной из статей было сказано: «Некоторые исследователи предполагают, что Эло обладают нелинейным восприятием времени. Для них прошлое, настоящее и будущее сосуществуют одновременно. В связи с этим любые попытки интерпретации их посланий с точки зрения линейной логики обречены на провал».

Нелинейное восприятие времени. Максим задумался. Если для них нет разницы между прошлым и будущим, то фраза «остановить начало» может означать нечто, что ещё не произошло, но уже существует для них как данность. Что-то вроде узла на нити, который нужно развязать до того, как он затянется. Или, наоборот, после. В голове начинало гудеть от этих размышлений.

Он закрыл терминал и потянулся к выключателю. Свет погас. В темноте снова стало тихо, только где-то в глубине здания гудели вентиляционные шахты. Максим лёг, укрылся одеялом и заставил себя дышать медленно, размеренно. Сон не шёл, но он хотя бы успокоил дыхание. В голове, как назойливая муха, крутилась одна и та же мысль: «Мы помним тебя». Почему они сказали «помним»? Он никогда не встречался с ними раньше. Или... встречался? Может, в той самой нелинейной временной петле, которую они, по предположе-

нию учёных, воспринимают как единое целое? Может, для них эта встреча уже состоялась? От этой мысли становилось не по себе.

Он не заметил, как задремал. На этот раз снов не было. Только тяжёлая, вязкая темнота.

Разбудил его мягкий, но настойчивый сигнал. В комнате зажёгся приглушённый свет, имитирующий рассвет. Максим открыл глаза. Тело было разбитым, словно он всю ночь ворочался. Он сел, потянулся, разминая затёкшие мышцы. Пора было вставать.

Он принял душ, насколько это было возможно в тесной гигиенической кабине. Тёплая вода немного смыла ощущение чужеродности, но полностью расслабиться не удалось. Одевшись в чистую одежду, которую кто-то заботливо оставил на тумбочке, он вышел в коридор. Там его уже ждала Ива. Она была одета в тот же строгий серый костюм, но выглядела отдохнувшей, даже свежей. В руках у неё был небольшой контейнер с завтраком.

— Доброе утро, — произнесла она, протягивая контейнер. — Перекусите по дороге. Время не ждёт.

Максим взял контейнер, но открывать не стал. Аппетита не было.

— Идём в другое крыло, — сказала Ива, развернувшись и зашагав по коридору. — Там расположена зона предварительной подготовки. Сначала анализы, затем инструктаж, затем сам сеанс.

Они шли по пустым переходам. Свет здесь был ярче, пол блестел, как зеркало. Ива не оборачивалась. Максим следовал за ней, стараясь унять нарастающее волнение. Вчерашний сон не выходил из головы. Ему хотелось рассказать о нём Иве, но он сдержался. Слишком уж странно это прозвучало бы перед самой процедурой.

Зона подготовки оказалась лабиринтом стерильных комнат, разделённых стеклянными перегородками. Пахло антисептиком и разогретым пластиком. Максима усадили в кресло, похожее на стоматологическое, и подключили к нему десятки датчиков. Молодой врач с быстрыми, суетливыми движениями проверил давление, снял кардиограмму, взял кровь из пальца. Всё это проделывалось молча, почти механически. Максим чувствовал себя подопытным кроликом.

— Уровень кортизола повышен, — заметил врач, глядя на монитор. — Это нормально в вашей ситуации. Но постарайтесь расслабиться. Если вы войдёте в контакт в состоянии тревоги, чужие могут это почувствовать и отреагировать непредсказуемо.

— Как я должен расслабиться, если меня отправляют в бездну? — буркнул Максим.

Врач не ответил. Он ввёл в вену какой-то прозрачный раствор. По телу разлилось приятное тепло. Сердце забилося ровнее. Максим почувствовал, как тревога отступает, уступая место странному, почти безразличному спокойствию. Он понимал, что это медикаментозный эффект, но проти-

виться не было сил.

После анализов его провели в небольшую комнату, где на стенах висели экраны с диаграммами и схемами. Ива уже ждала там. Она стояла у голографического стола, на котором медленно вращалась объёмная модель корабля Эло — причудливая, похожая на гигантскую медузу конструкция из переливающихся нитей и пульсирующих утолщений.

— Это их корабль-носитель, — сказала Ива, указывая на модель. — Он висит на орбите в полутора тысячах километров от поверхности. Связь с ним поддерживается через ретранслятор. Ваша капсула будет подключена к резонансному контуру, который транслирует вашу мозговую активность в виде модулированной волны. Эло воспринимают эту волну как... голос. Ваш голос.

Максим смотрел на модель, не в силах отвести взгляд. Было в этой форме что-то завораживающее и одновременно отталкивающее. Живой корабль. Существо, которое само является частью общего разума.

— А если они не захотят слушать? — спросил он.

— Они уже слушают, — ответила Ива. — Наш ретранслятор улавливает ответные колебания. Они ждут. Они знают, что мы пытаемся установить контакт. Сегодня ваша задача — просто войти в поле и остаться там как можно дольше. Никаких активных действий. Просто быть. Слушать. Наблюдать.

— И если я услышу что-то, что пойму?

— Записывающая аппаратура зафиксирует все изменения вашей мозговой активности. После сеанса вы пройдёте восстановительный контур, и мы снимем расшифровку. Ваши воспоминания будут извлечены с точностью до секунды.

Максим кивнул. Он знал, как работает эта технология. Синхронист после контакта всегда проходил процедуру извлечения данных. Это было стандартной практикой. Но сейчас, перед лицом неизведанного, мысль о том, что кто-то будет копаться в его голове, вызвала смутное раздражение.

— Идём, — сказала Ива, и они снова двинулись по коридорам.

Капсула, в которую его привели, отличалась от тех, в которых он обычно работал. Она была больше, овальной формы, с прозрачной крышкой из толстого бронированного стекла. Внутри — гелевое ложе, опутанное жгутами оптических кабелей. По периметру капсулы, в специальных стойках, поблёскивали хрустальные резонаторы, напоминавшие гроздья винограда, выточенные из льда. Это был тот самый интерфейс, который переводил его мозговую активность в волну, доступную для восприятия Эло.

Техники помогли Максиму раздеться до специального белья и лечь на гель. Холодный, упругий, он принял форму тела, обхватив его со всех сторон. По рукам и ногам защёлкнулись фиксаторы. К вискам прикрепили тонкие, почти невесомые пластины. В вену снова ввели раствор — на этот раз более сильный, вызывавший лёгкую эйфорию.

Крышка капсулы медленно опустилась, отрезая его от внешнего мира. Внутри загорелся мягкий синий свет. Голос Ивы, теперь звучащий как будто из-под воды, произнёс:

— Начинаем постепенное погружение. Сохраняйте спокойствие. Помните: вы — точка отсчёта. Вы — ядро. Держитесь за себя.

Максим закрыл глаза. Внутри капсулы было тихо, но эта тишина была наполнена едва уловимым звоном — так звенят на морозе провода. Он сосредоточился на дыхании. Медленный вдох. Медленный выдох. Тело растворялось в геле, сознание сужалось до крошечной светящейся точки. Где-то в глубине начал нарастать гул. Сначала низкий, он постепенно поднимался, проникая в каждую кость, в каждую клетку. Капсула вибрировала. Резонаторы наливались холодным светом.

Максим почувствовал, как его «я» начинает отделяться от тела. Это не было похоже на обычную синхронизацию с человеком. Тогда он просто скользил в чужую нервную систему, как в надетую перчатку. Сейчас же его вырывало из физической оболочки, как выдёргивают корень из земли. Он полетел — или ему так показалось — сквозь бесконечный тоннель, сотканный из дрожащих нитей. Эти нити пели. Они звучали на разные голоса, и в этом многоголосии не было хаоса. Был порядок, но такой сложный, что человеческий разум не мог его постичь.

А потом его накрыло.

Он упал — или, скорее, растворился — в бескрайнем океане сознаний. Их были тысячи, миллионы. Они не разговаривали словами. Они обменивались образами, ощущениями, невыразимыми эмоциональными потоками. Максим почувствовал, как его затягивает в этот водоворот. Его собственные мысли начали блекнуть, терять очертания. Страх, который он испытывал, был последним, что связывало его с прежним миром. А потом исчез и он.

В этом бескрайнем поле кто-то — или нечто — обратило на него внимание. Как луч прожектора в тёмной комнате, на него нацелился поток внимания, от которого тело, оставшееся в капсуле, должно было сжаться в комок. Но тела он уже не ощущал. Он был здесь, в этом океане, беспомощный и обнажённый.

«Ты пришёл», — прозвучало в нём.

Голос был тем самым, из сна. Многоголосый, вибрирующий, пронизывающий насквозь. Он шёл отовсюду сразу, и Максим понял, что это не слова, а прямое вложение смысла в его сознание. Эло не говорили. Они просто знали, что он подумает в ответ, и давали ему готовую мысль, как будто вкладывали в руку камень.

«Мы ждали тебя. Ты — ключ. Ты — тот, кто помнит начало».

Максим попытался выстроить защиту, но не смог. Его разум был открыт, как распахнутое окно в бурю. В него хлынули образы. Он увидел Землю — но не такую, как сейчас.

Она была выжжена, покрыта трещинами, из которых сочился багровый свет. Небо над ней было разорвано, и в этих разрывах клубилась тьма, имевшая форму, но не имевшая названия. Увидел людей — но не живых, а застывших, как статуи, с лицами, искажёнными беззвучным криком. Увидел города, превратившиеся в оплавленные холмы. И всё это было не просто картиной. Это было воспоминанием. Чьим-то воспоминанием о будущем.

«Это начало», — произнёс голос. — «Мы остановим его. Но нам нужен ты. Ты должен уйти. Мы останемся».

Максим не мог понять, что от него хотят. Его разум метался, как птица в клетке. Он пытался ухватиться за ядро, за ту самую точку, но она ускользала. Вместо неё он нащупал нечто другое — чьё-то чужое, но пугающе знакомое сознание. Оно было как зеркало, в котором отражался он сам, но с другим опытом, с другой памятью. И это сознание потянулось к нему.

В следующее мгновение он почувствовал, как его собственные воспоминания начинают гаснуть. Одно за другим. Как лампочки в пустом коридоре. Лицо матери. Запах летнего дождя. Первая синхронизация. Боль. Радость. Всё это таяло, растворялось, уступая место чему-то чужому, холодному, неумолимому.

«Не сопротивляйся», — шептал голос. — «Так надо. Ты станешь нами. Мы станем тобой. И начало остановится».

Максим закричал — но крика не было. В этом мире не бы-

ло звука. Была лишь бездна, которая пожирала его личность, заменяя её собой. Он из последних сил попытался вспомнить своё имя. Оно ускользало, как песок сквозь пальцы.

И в этот момент что-то в нём сломалось. Или, наоборот, включилось. Из самой глубины его существа, из той точки, которая, казалось, уже погасла, ударил яркий, слепящий свет. Это был не его свет. Или его, но из другого времени. Из того самого будущего, которое он только что видел. Свет разорвал темноту, разметал чужие голоса, как ветер разгоняет дым.

И Максим услышал собственный голос, но не тот, которым говорил всегда. А другой, более старый, более усталый, но полный решимости.

«Они не должны победить. Держись. Ты — не ключ. Ты — замок. Не дай им открыть тебя».

Затем свет погас. Наступила тишина. А через мгновение — резкий, болезненный рывок обратно, в тело. В гель. В холод. В белый потолок капсулы.

Максим открыл глаза. Грудь разрывалась от кашля. Лёгкие горели. Рядом сустились техники. Голос Ивы пробивался сквозь пелену, как радиосигнал из глубин:

— Ершов! Максим! Вы меня слышите? Слышите?

Он не мог ответить. Язык не слушался. Но в голове, в самой сердцевине, бились слова, которые он не мог забыть.

«Ты — замок».

Глава 2. След в сознании

Возвращение в тело было похоже на падение с огромной высоты в ледяную, вязкую воду. Грудь распирало от кашля, лёгкие горели так, будто он не дышал несколько минут. Максим не мог открыть глаза — веки словно налились свинцом, а по всему телу прокатывались волны дрожи, сильные, почти судорожные. Он ощущал, как чужие руки прижимают его плечи к ложу, как в вену входит игла, и по сосудам разливается обжигающий холод, а следом — успокаивающее тепло. Голоса техников доносились до него сквозь плотную ватную пелену, искажённые, будто он слышал их из-под толщи воды. Кто-то говорил о тахикардии, о всплеске нейронной активности, о необходимости срочной стабилизации.

Максим попытался заговорить, но из горла вырвался лишь сиплый, сдавленный стон. Язык не слушался, слова рассыпались на бессвязные звуки. Внутри него, на самой границе сознания, всё ещё пульсировали обрывки чужого присутствия — как будто кто-то огромный и невидимый только что вынул руку из его груди, оставив после себя холод и звенящую пустоту. Он помнил океан, помнил многоголосый шёпот, помнил свет, который разорвал темноту. И слова, те самые слова, которые впечатались в его разум с чудовищной силой: «Ты — замок. Не дай им открыть тебя».

Сознание угасало, и он не мог этому сопротивляться.

Усталость навалилась сверху, как бетонная плита. Последнее, что он увидел перед тем, как провалиться в темноту, — лицо Ивы, склонившееся над прозрачной крышкой капсулы. Её губы шевелились, но слов он уже не различал. Только взгляд — острый, встревоженный, почти испуганный. Таким он её ещё не видел.

Пробуждение было медленным, тягучим, как подъём с глубины на поверхность. Сначала вернулись звуки: тихое попискивание мониторов, ровное гудение климатической системы, чьи-то удаляющиеся шаги. Потом — ощущения: мягкая постель под спиной, лёгкое давление датчиков на запястьях и висках, сухость во рту. И только затем Максим смог разлепить веки.

Он лежал в небольшой палате, залитой приглушённым светом. Стены были светло-бежевыми, с едва заметным рельефом. Над головой — панель с матовыми лампами. Рядом, на стойке, стояли мониторы, по которым бежали плавные кривые — его пульс, дыхание, активность мозга. Чуть дальше, у двери, в кресле сидела Ива. Она читала что-то с переносного терминала и не сразу заметила, что Максим очнулся.

Он попытался пошевелиться. Тело слушалось плохо, мышцы ныли, как после изнурительной тренировки. Лёгкий шорох простыни заставил Иву поднять голову. Она отложила терминал и быстро подошла к кровати.

— Не двигайтесь резко, — произнесла она, вглядываясь в его лицо. — Вы в восстановительном блоке. Всё прошло не

совсем по плану.

Максим облизал пересохшие губы. Голос, когда он наконец заговорил, был хриплым, чужим.

— Сколько я был без сознания?

— Около девяти часов. Мы ввели вам седативные препараты, чтобы снизить нагрузку на нервную систему. Вы кричали, даже после того, как потеряли сознание. Нам пришлось вас фиксировать.

Он прикрыл глаза, пытаясь собрать разрозненные воспоминания. Крик. Да, он помнил, как кричал — не ртом, а всем своим существом, когда его личность начали размыывать, как акварель под дождём. И он помнил тот внутренний свет. Слова, которые пришли откуда-то из глубины. Его собственный голос, но другой. Старше. Жёстче.

— Что показал анализ? — спросил он, снова открывая глаза. — Вы сняли данные?

Ива помедлила с ответом. Её лицо оставалось собранным, но в глубине зрачков читалась тревога.

— Мы записали всё, что происходило с вашим мозгом. Но расшифровка дала странные результаты. Вы находились в состоянии синхронизации почти сорок секунд. Это рекорд. Но характер вашей мозговой активности... Она была аномальной. Как будто в какой-то момент вы перестали быть единственным источником сигнала. В контуре появилась вторая волна. Она была не наша. Она шла не от вас.

Максим нахмурился.

— Вторая волна? Извне?

— Мы не знаем. Наши приборы такого раньше не фиксировали. Это была не передача Эло. Их сигнал — низкочастотный, распределённый. А здесь — что-то короткое, мощное, сфокусированное. Как будто кто-то вклинился в вашу синхронизацию и на мгновение взял на себя управление вашим сознанием.

Сердце Максима сжалось. Он вспомнил голос, который звучал в нём, когда темнота уже готова была поглотить его. Голос, назвавший его «замком». Вспомнил свет, который расшвыривал чужие голоса. Неужели это было реальным? Или это его собственный разум, отчаянно цеплявшийся за жизнь, породил защитную галлюцинацию?

— Что показало извлечение памяти? — спросил он, стараясь говорить спокойно. — Вы увидели, что там произошло?

Ива выдержала его взгляд. Затем перевела взгляд на мониторы, словно сверяясь с их бесстрастными показаниями.

— Частично. Ваши воспоминания за время контакта сохранились фрагментарно. Мы увидели образы, которые вы видели. Земля, покрытая трещинами. Люди, застывшие в беззвучном крике. Небо, разорванное тьмой. Это было первое, что вы передали. Затем — ощущение бездны, потери себя. А затем... чёрный экран. Пустой участок длиной примерно в одну целую две десятых секунды. Как будто ваш мозг на мгновение отключился. А после — резкий всплеск активно-

сти, который не совпадает ни с одним известным паттерном. В этот момент вы и начали кричать.

Максим с трудом приподнялся на локтях. Голова слегка кружилась, но он не хотел оставаться в лежащем положении. Ему нужно было видеть глаза собеседницы, чувствовать, что он контролирует ситуацию.

— Ива, — произнёс он тихо, — там, в контакте, я слышал голос. Не голоса Эло. Отдельный голос. Он был мой. Но не совсем. Он говорил: «Ты — замок. Не дай им открыть тебя». Вы понимаете, что это значит?

Ива побледнела. Её пальцы сжались в кулаки, но лишь на мгновение. Она быстро взяла себя в руки, хотя Максим успел заметить, как дрогнула её нижняя губа.

— Мы не знаем, что это значит, — ответила она медленно. — Но мы предполагаем, что в вашем сознании существует некая структура, которая активировалась в ответ на попытку Эло вас поглотить. Возможно, это защитный механизм. Или следствие вашей профессиональной подготовки. Или что-то иное.

— Вы лжёте, — сказал Максим. — Или не договариваете.

Ива пристально посмотрела на него. Затем взяла стул, стоявший у стены, и села рядом с кроватью, сократив дистанцию.

— Хорошо, — сказала она, понизив голос. — Я расскажу вам то, что знаю. Но сначала ответьте: что вы чувствуете сейчас? Внутри. Есть ли что-то чужое? Какая-то мысль,

образ, ощущение, которое не принадлежит ни вам, ни телу носителя?

Максим замер. Он прислушался к себе. Внутри было тихо, но не пусто. Где-то на периферии сознания, как едва уловимый звон, присутствовало нечто, чему он не мог дать названия. Не мысль, не эмоция — скорее, отголосок, след, оставленный чем-то огромным, что коснулось его и отступило.

— Да, — признался он. — Есть. Как будто в голове появилась ещё одна комната, в которую я не могу войти, но знаю, что она есть. И оттуда... тянет холодом.

Ива кивнула, словно ожидала именно такого ответа.

— Это след контакта. Он был неизбежен. Но он не должен был быть таким глубоким. Эло не просто коснулись вас. Они попытались встроиться в вашу личность, заменить её. Если бы у них получилось, вы бы уже не сидели здесь и не разговаривали со мной. Ваше тело стало бы марионеткой.

— Почему они отступили?

— Мы думаем, что им помешал тот самый голос, о котором вы говорите. Вторая волна. Она была направлена против них. Она разорвала их связь с вами. Но мы не знаем, что это было и откуда пришло.

В палате повисла тишина. Мониторы продолжали выводить ровные кривые, не замечая драмы, разворачивавшейся в человеческом сознании.

— А что говорят Эло? — спросил Максим. — После разрыва они передавали что-нибудь?

Ива медленно выдохнула. Её лицо стало ещё бледнее.

— Да. Через сорок минут после сеанса мы зафиксировали новое послание. Оно было короче прежних. Дословно: «Замок обнаружен. Начало неизбежно. Мы вернёмся за ключом».

Максим почувствовал, как по спине пробежал ледяной озноб. Замок обнаружен. Они вернутся за ключом. Эти слова звучали как приговор. И этот приговор почему-то был адресован ему.

— Значит, я — замок? — спросил он, сам не веря в то, что говорит. — И они хотят меня открыть?

— Похоже на то, — ответила Ива. — Но они также сказали: «Начало неизбежно». Это может означать, что их попытка провалилась не полностью. Или что они всё равно добьются своего, рано или поздно. Наш аналитический отдел сейчас пытается расшифровать все возможные смыслы. Но есть и другой момент, который вас, возможно, заинтересует.

Она сделала паузу, и Максим напрягся.

— Говорите.

— Корабли Эло начали смещаться. Они покидают орбиту. Медленно, но целенаправленно. Они направляются в сторону Земли.

Максим сглотнул. События набирали оборот, и он снова оказался в центре, даже не успев опомниться.

— Они хотят сесть на поверхность? — спросил он.

— Мы не знаем. Пока они не пересекли границу атмосферы.

ры. Но их маневры выглядят угрожающе. И это совпало по времени с вашим сеансом. Точнее, с тем моментом, когда вы начали кричать. Они почувствовали что-то в вашем сознании. Что-то, что заставило их действовать.

В голове Максима зашумело. Он опустил обратно на подушку, не сводя глаз с потолка. Всё, что он пережил в капсуле, начинало обретать контуры реальности. Это был не просто кошмар. Это была попытка вторжения. И кто-то — или что-то — остановило её, используя его собственный разум как поле боя.

— Что вы от меня хотите теперь? — спросил он, не поворачивая головы.

Ива помолчала. Затем произнесла тихо, но твёрдо:

— Мы хотим, чтобы вы вернулись. Но теперь с другой целью. Мы должны понять, кто вы на самом деле. Почему Эло называют вас замком. И что скрывается за дверью, которую они пытаются открыть.

Максим медленно повернул голову и встретился с ней взглядом. В её глазах больше не было прежней холодной уверенности. Там были страх, решимость и что-то ещё, похожее на отчаянную надежду.

— Если я снова войду в контакт, — произнёс он, — они могут попытаться снова стереть меня. И в этот раз защита может не сработать.

— Знаю, — ответила Ива. — Поэтому мы подготовим вас. Мы усилим ядро личности. Мы научим вас ставить блок. Но

главное — мы должны понять, что такое «замок». И для этого нам нужно изучить вас. Не как носителя. А как Максима Ершова. Вашу историю. Вашу память. Ваше происхождение.

Максим нахмурился.

— Моё происхождение? Обычное. Я родился в небольшом городе, вырос без отца. Мать работала на заводе. Я был трудным подростком, но потом поступил в институт, попал в программу подготовки синхронистов. Всё это есть в моих файлах.

Ива покачала головой.

— Мы уже проверили ваши файлы. Они безупречны. Даже слишком безупречны. Но в них есть пробелы. Периоды, которые не подтверждены независимыми источниками. Например, пять месяцев, когда вам было семнадцать лет. Вы проходили стажировку в отдалённом исследовательском центре. Но записи об этом центре засекречены, и мы не можем получить к ним доступ с нашим уровнем допуска.

У Максима пересохло в горле. Он действительно помнил ту стажировку, но смутно. Какие-то горы, холод, лаборатория. Но детали ускользали.

— К чему вы клоните? — спросил он.

— К тому, что ваше прошлое может быть не таким, как вы думаете. Эло называли вас замком. Возможно, это не метафора. Возможно, в ваше сознание ещё тогда, в юности, было встроено что-то, что делает вас уязвимым для них — или, наоборот, ключом к их планам. И нам нужно это выяснить.

Максим прикрыл глаза. Перед его внутренним взором всплыл образ: белые горы, заснеженная долина, стеклянная башня, отражающая низкое серое небо. И голос, который говорил ему что-то, чего он не мог вспомнить. Холодный, механический голос, внушавший покой и забвение.

— Я согласен, — сказал он, не открывая глаз. — Но у меня есть одно условие.

— Какое?

— Я хочу видеть все данные, которые вы соберёте. Без утайки. Я не хочу больше быть подопытным кроликом, которого используют вслепую. Если мне предстоит снова войти туда, я должен знать, кто я такой.

Ива встала со стула.

— Договорились. Завтра начнём с расширенного сканирования. А пока отдыхайте. Вам нужно восстановить силы.

Она направилась к двери, но остановилась на пороге и обернулась.

— Ершов, — произнесла она, — вы сказали, что чувствуете холод от той комнаты в голове. Вы можете описать его? Какой он?

Максим помедлил. Затем ответил:

— Он похож на пустоту, которая дышит. Как будто за тонкой перегородкой — бездна, которая следит за мной. И она... ждёт.

Ива кивнула, словно услышала то, что ожидала.

— Мы усилим наблюдение. Если что-то изменится — сра-

зу сообщите. В любое время.

Она вышла, и дверь бесшумно закрылась за ней. Максим остался один.

Некоторое время он лежал неподвижно, прислушиваясь к своему дыханию и ровному гудению приборов. Затем медленно повернулся на бок, подтянул колени к груди и закрыл глаза. Сон не приходил. Вместо него из той самой невидимой комнаты в сознании начало сочиться что-то, похожее на обрывки чужих мыслей. Они были неясными, как тени под водой, но в них угадывались знакомые образы: длинные коридоры, мигающие лампы, чьи-то лица, стёртые, как старые фотографии. И среди этих обрывков — снова голос. Тихий, усталый, но настойчивый.

«Ты должен вспомнить. Прежде чем они откроют тебя. Вспомни, кто ты есть».

Максим резко открыл глаза. Сердце колотилось. Он сел, включил свет на полную мощность. Палата залилась холодным белым сиянием. Никого. Только он и его тени на стенах.

Он подошёл к умывальнику, включил воду и умылся. Затем посмотрел на себя в зеркало. Лицо носителя, усталое, с покрасневшими глазами, смотрело на него с выражением, которое он не контролировал. В глубине зрачков, если приглядеться, можно было увидеть что-то странное — будто там, за тёмной радужкой, колыхалось нечто живое.

Максим отвернулся. Ему нужно было взять себя в руки. Он не мог позволить себе сойти с ума. По крайней мере, не

сейчас.

Он вернулся в кровать, но уже не стал выключать свет. Лёг на спину, уставился в потолок и заставил себя думать о простых вещах: о ритме дыхания, о мягкости простыни, о тихом шуме воды в трубах. Где-то в глубине здания гудели лифты. Ночь за стенами центра текла своим чередом. А в небе, далеко, за границей атмосферы, медленно, но неотвратно приближались живые корабли тех, кто называл себя началом.

Максим не знал, сколько времени прошло, прежде чем он провалился в сон. Но на этот раз ему ничего не снилось. Только темнота, густая и плотная, как вата. И в этой темноте, где-то очень далеко, раздавался звук, похожий на скрип открываемой двери.

Он проснулся от того, что кто-то настойчиво тряс его за плечо. Открыл глаза. Перед ним стояла Ива, но уже не в сером костюме, а в белом халате, накинутом поверх тёмной водолазки. Её лицо было бледным, губы сжаты.

— Вставайте, — произнесла она. — У нас проблемы.

Максим сел, всё ещё не до конца проснувшись. За окном — если это было окно — занимался тусклый рассвет. Или, может, это был вечер. Время в закрытых помещениях теряло смысл.

— Что случилось? — спросил он, протирая глаза.

Ива бросила взгляд на дверь, словно опасаясь, что её подслушают.

— Эло вышли на связь. Они требуют повторного контак-

та. Немедленно. Они говорят, что если мы не позволим им поговорить с вами, они начнут снижаться. Прямо сейчас.

Максим почувствовал, как холодок пробежал по затылку.

— Они угрожают?

— Они никогда не угрожают. Но их тон изменился. Впервые за всё время они используют прямые конструкции. Раньше их послания были размытыми, метафоричными. Теперь это чёткое требование. И в нём есть нечто, чего мы раньше не слышали.

— Что именно?

Ива помолчала. Затем произнесла:

— Они называют вас по имени. Максим Ершов. Они знают ваше имя. И ещё они сказали: «Время на исходе. Он должен выбрать сам».

Максим встал. Ноги немного дрожали, но он заставил себя выпрямиться.

— Что значит «выбрать сам»?

— Не знаю. Но аналитики считают, что Эло хотят, чтобы вы снова вошли в контакт по своей воле. Добровольно. Без принуждения. Иначе их слова не имели бы смысла.

Максим посмотрел на свои руки. Они были чужими, но теперь он чувствовал их как свои. Странное ощущение. словно между ним и носителем начала стираться граница.

— Идите в комнату для переговоров, — сказала Ива. — Там соберётся совет. Они будут решать, что делать. Но вы должны быть там. Ваш голос сейчас решает всё.

Он кивнул.

Через несколько минут Максим, умытый и переодетый в свежую одежду, которую принесла Ива, следовал за ней по коридорам координационного центра. На этот раз они шли не в сторону капсулы, а в противоположное крыло, где располагались залы для совещаний. Коридоры были пусты, лишь изредка встречались охранники с застывшими лицами. Все они провожали Максима долгими, изучающими взглядами.

Зал совещаний оказался круглым, с высоким потолком и панорамными экранами, на которые транслировалась карта ближнего космоса. Вокруг центрального стола сидели люди в строгих костюмах. Мужчины и женщины, в основном в возрасте. Среди них Максим заметил нескольких военных. Обстановка была напряжённой.

Ива указала Максиму на свободное место рядом с собой. Когда он сел, один из присутствующих, седовласый человек с резкими чертами лица, поднялся и заговорил:

— Итак, господин Ершов. Ситуация критическая. Эло требуют вашего возвращения в контур. Они утверждают, что в противном случае их корабли начнут входить в атмосферу. Последствия могут быть катастрофическими. Наши системы не предназначены для отражения атаки такого масштаба. Но мы не можем действовать под давлением. Поэтому я хочу услышать ваше мнение.

Максим обвёл взглядом собравшихся. Лица были напря-

жёнными, но не враждебными. В глазах некоторых он увидел страх. В других — расчёт.

— Моё мнение простое, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я пойду на контакт. Но не потому, что они требуют. А потому что нам нужны ответы. Если они хотят говорить со мной — пусть говорят. Но я не собираюсь позволять им стирать мою личность. В прошлый раз у меня получилось вырваться. Получится и сейчас.

Седовласый нахмурился.

— Ваша уверенность похвальна. Но вы забываете, что в прошлый раз сработал некий защитный механизм, природа которого нам неизвестна. Мы не можем гарантировать, что он сработает снова.

— А вы не можете гарантировать, что если я не пойду, они не начнут вторжение, — парировал Максим. — Так что риск одинаков в обе стороны. Только в одном случае у нас есть шанс узнать, чего они хотят на самом деле.

В зале воцарилось молчание. Люди переглядывались. Максим видел, как несколько человек склонились друг к другу, обмениваясь короткими фразами.

Наконец седовласый снова заговорил:

— Хорошо. Мы дадим вам время на подготовку. Два часа. За это время вы пройдёте сеанс укрепления ядра личности. Затем — контакт. Мы будем наблюдать. Если что-то пойдёт не так, мы разорвём связь. Даже если это будет означать тяжёлые последствия для вас.

— Я понимаю, — ответил Максим.

Собрание закончилось. Люди начали расходиться. Ива пошла к Максиму и тихо сказала:

— Идёмте. У нас мало времени.

Они снова шли по коридорам, но теперь всё вокруг казалось Максиму иным. Словно он смотрел на мир через мутное стекло, сквозь которое проступали контуры чего-то большего, скрытого. Он всё ещё чувствовал холод из той внутренней комнаты. Но теперь к нему примешивалось странное, почти неуместное спокойствие. Будто он уже знал, что должно произойти. И это знание исходило не из разума, а из той самой запертой двери, за которой спала бездна.

Они остановились перед входом в зал подготовки. Ива повернулась к нему.

— Максим, — произнесла она, впервые назвав его просто по имени, без фамилии. — Там, в контакте, помните, что вы не один. Мы будем на связи. И ещё... Если вы услышите тот голос снова, не отталкивайте его. Слушайте. Возможно, это единственное, что может вас спасти.

Он кивнул.

Дверь открылась. За ней, в полутьме, уже светилась голубым овалом капсула синхронизации.

Максим шагнул вперёд. Максим шагнул вперёд.

Зал подготовки встретил его стерильной прохладой и гулом активируемой техники. Свет здесь был приглушён, но не мягок: он лился из невидимых панелей ровным, холодным

потоком, выхватывая из полумрака контуры капсулы, похожей на гигантскую белую личинку, свитую из металла и стекла. Вокруг неё суетились техники в бесшумной обуви и серых комбинезонах. Они двигались быстро, но без суеты, как люди, которые повторяли этот ритуал множество раз. Один из них, высокий и сутулый, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, подошёл к Максиму и молча указал на ширму, за которой следовало переодеться.

За ширмой было тесно и пахло тканью, пропитанной дезинфицирующим раствором. Максим снял одежду, которую дала ему Ива, и облачился в специальное бельё — тонкий, прохладный материал, облегающий тело, как вторая кожа. Затем его провели к капсуле. Крышка была уже открыта, обнажая гелевое ложе, мерцавшее в голубом свете, как поверхность застывшего озера. Внутри, по периметру, поблёскивали хрустальные резонаторы; их грани вспыхивали и гасли, подчиняясь невидимым командам. Максим остановился у края, чувствуя, как от капсулы исходит лёгкая вибрация — та самая, которую он уже ощущал во время первого сеанса, только теперь она казалась глубже, настойчивее.

— Ложитесь, — произнёс тот же техник. Голос его был ровным, лишённым эмоций. — Сначала проведём калибровку. Потом подключим контур укрепления. Это займёт около получаса.

Максим послушно опустился нагель. Тот принял его вес с тихим чавкающим звуком, обволок спину и плечи упругой

прохладой. Защёлкнулись фиксаторы на запястьях и лодыжках — не туго, но достаточно, чтобы удержать тело при возможных судорогах. К вискам прижались холодные пластины, по коже побежали мурашки. Потом над ним склонилась Ива. Она была в том же белом халате, но теперь на её лице читалась сосредоточенность, почти отрешённость. В руках она держала тонкий серебристый обруч.

— Это фокусатор, — сказала она, перехватив его взгляд. — Он поможет вам собрать ядро в более плотную структуру. Перед контактом вы должны будете пройти процедуру, которую мы называем «зеркальный щит». Это не защита в прямом смысле, а скорее способ сделать ваше «я» более осязаемым для вас самих. Вы должны постоянно помнить, кто вы. Любая потеря концентрации — и Эло просочатся в трещины.

Она осторожно надела обруч ему на голову. Металл был тёплым, почти горячим. Максим почувствовал, как по коже головы растеклось лёгкое покалывание. Гул капсулы изменился: к нему добавился высокий, едва слышимый звон, который, казалось, резонировал с его зубами.

— Закройте глаза, — продолжала Ива. — Сейчас начнётся настройка. Вы будете видеть образы. Не пугайтесь. Это проекции вашего собственного сознания, которые мы усилим и выведем на поверхность. Просто следуйте за ними.

Он подчинился. Веки опустились, и темнота сразу сомкнулась вокруг. На внутренней стороне глаз начали вспы-

хивать цветные пятна — красные, золотые, синие, они пульсировали и расплывались, как чернила в воде. Гул стал ритмичным, похожим на биение огромного сердца. Максим почувствовал, как его тело расслабляется, а мысли начинают замедляться, выстраиваясь в ровную цепочку. Ему показалось, что он плывёт в тёплом, вязком пространстве, где нет ни верха, ни низа, ни времени. Только дыхание. И тихий голос Ивы, который доносился откуда-то издалека, но был слышен так ясно, будто она шептала ему в самое ухо.

— Вспомните момент, когда вы впервые поняли, что можете синхронизироваться. Не саму процедуру. А чувство. То мгновение, когда вы осознали, что способны выйти за пределы себя.

Максим сосредоточился. Перед внутренним взором поплыли обрывки воспоминаний. Он увидел себя совсем молодым, почти мальчишкой, стоящим в лаборатории перед массивным экраном. На нём была грубая серая куртка, изо рта вырывался пар. Холод. Да, тот самый холод горного центра, о котором он почти забыл. Экран мигал, показывая какие-то схемы. А рядом был человек в белом халате, чьё лицо ускользало, как отражение в мутной воде. Человек говорил что-то, но слов было не разобрать. Максим попытался взглянуть, но образ ускользал, таял, как дым. Осталось только чувство: смесь страха и восторга, как перед прыжком в пропасть.

— Хорошо, — прозвучал голос Ивы. — Теперь вспомните, как вы держите ядро. Ваш метод. Ту точку, в которую вы

сворачиваетесь.

На этот раз образ был чётче. Он увидел себя в капсуле, но не в этой, а в обычной, рабочей. Его собственное тело, не носителя. Руки с длинными пальцами, слегка сжатые в кулаки. И внутри, где-то за грудиной, — маленькая, яркая точка, похожая на тлеющий уголёк. Она пульсировала ровно, согревая его изнутри, и он знал, что это и есть он. Его суть. Его личность. Его «я».

— Усиьте её, — скомандовала Ива. — Представьте, что вы оборачиваете её в зеркальную плёнку. Всё, что не является вами, будет отражаться. Всё, что пытается проникнуть, скользит по поверхности.

Максим послушно представил, как вокруг яркой точки возникает тонкая, но прочная оболочка. Она была холодной на ощупь, но не враждебной. Скорее, как лёд, который защищает от ветра. Он увидел, как чужие образы, пытавшиеся подступить к нему, отскакивают, не достигая цели. Это было странное, но приятное чувство. Контроль. Уверенность.

Он не знал, сколько длилась эта процедура. Время потеряло очертания. В какой-то момент он почувствовал, что его больше не держит гель. Тело стало лёгким, почти невесомым. А затем всё стихло. Гул исчез. Темнота стала глубже, но не пугающей. Просто чернота, в которой он был один.

— Отлично, — произнесла Ива, и её голос снова был рядом. — Вы готовы. Откройте глаза.

Максим разлепил веки. Свет в зале казался резким, колю-

чим. Он заморгал, привыкая. Лицо Ивы склонилось над ним. Она улыбалась, но улыбка была напряжённой.

— Вы продержались в состоянии концентрации двенадцать минут без потери фокуса. Это очень хороший результат. Теперь осталось только войти в контакт. Эло уже ждут.

Техники засуетились вокруг капсулы. Максим почувствовал, как гелевое ложе слегка вибрирует, подстраиваясь под его тело. Резонаторы засияли ярче. Один из техников ввёл ему в вену раствор — на этот раз не седативный, а стимулирующий, вызывавший прилив энергии и обострённую ясность мыслей. Максим сделал несколько глубоких вдохов, стараясь унять ускорившееся сердцебиение.

Ива положила руку на край капсулы.

— Помните наш разговор. Они могут попытаться давить на вас, использовать ваши воспоминания, страхи. Но у вас теперь есть щит. И ещё: если вы снова услышите тот голос, который назвал вас замком, доверьтесь ему. Но не теряйте бдительности. Это может быть и ловушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.